

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА КАК ЦАРЯ ИСТИННОГО
В РОМАНЕ А.С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»
REPRESENTATION OF THE IMAGE OF YEMELYAN PUGACHEV AS THE TRUE
TSAR IN A.S. PUSHKIN'S NOVEL "THE CAPTAIN'S DAUGHTER"**

Аннотация: В статье рассматривается идейная и структурно-содержательная специфика воплощения образа царя в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка».

Abstract: The article examines the ideological and structural-content specifics of the embodiment of the image of the tsar in A.S. Pushkin's novel «The Captain's Daughter».

Ключевые слова: исторический роман, Пугачев, историзм, образ царя.

Keywords: historical novel, pugachev, historicism, the image of the tsar.

Предметом изучения настоящей статьи является воплощение образа предводителя народного восстания Емельяна Пугачева в историческом романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Это новый тип героя русской исторической прозы – вождь антидворянского восстания, литературный «двойник» исторического прототипа Емельяна Пугачева, ранее уже изображенного в пушкинской «Истории пугачевского бунта» (1836). Образ Пугачева, представленный в «Капитанской дочке», значительно отличается от его воплощения и в «Истории пугачевского бунта», и в официальной историографии, портрет мятежника сложен и многогранен: он сочетает в себе жестокость и великодушие, всевластие и гуманность, черты частного человека и исторического деятеля.

Представляя разные стороны личности Пугачева, Пушкин последовательно соотносит образ предводителя с другими персонажами: дворянскими генералами, Екатериной II, Петром Гриневым, семейством Мироновых, даже с Савельичем. С наибольшей художественной полнотой Пугачев раскрывается на фоне «людей из толпы» – простого народа, крестьян и рабочих, восставших против несправедливости, угнетения и насилия. В этой исторической ситуации Пугачев предстает не как разбойник, а как главарь восстания, могущественный царь крестьян. Создавая этот портрет, Пушкин ориентировался на закрепленные в русской национальной картине мира представления об истинном государе. Все пространство русской земли в сознании народа ищет архетипического хозяина, который и воплотился в Пугачеве. Образ царя включает в себя архетипические семы «отца» русской земли, «хозяина», доброго и милосердного, но строгого. Именно такое представление находится в коллективном бессознательном русского народа. «Архетип являясь цельной, амбивалентной структурой, имеет позитивный и негативный аспекты. Односторонний образ (к примеру, обладающий только светлой или только темной стороной) не может быть архетипом», – замечает К. Юнг. Поэтому даже откровенно жестокие, негуманные поступки Пугачева (особенно ярко они представлены в «Истории Пугачева») умещались в его образе. «Архетипы в равной мере представляют собой как чувство, так и мысль; они даже имеют нечто подобное собственной, самостоятельной жизни, вроде жизни частичных душ» [1, с. 451]. Этим можно объяснить зачарованность народа своим героем: «Весь черный народ был за Пугачева. Духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты и архиереи. Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства. Пугачев и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противоположны» [2, с.376].

Образ Пугачева совмещает в себе не только архетипическое, но и типическое начало, порожденное социально-исторической эпохой и национальной идентичностью. В личности

Пугачева — народного вожака раскрываются типичные черты русского человека: наивная доверчивость, душевная простота, «веселое лукавство ума», и, как отмечает Ю.М. Лотман, «именно эта крестьянская природа политической власти Пугачева делает его одновременно вором и самозванцем для дворян и великим государем для народа» [3, с. 217].

Отец русской земли, царь в коллективном представлении живет по заветам доброты и милосердия, и Пугачев, как романтический персонаж в эту парадигму вписан убедительно. С первых глав он оказывается «благодетелем» для Гринева. Этот эпизод подробно проанализирован М. Цветаевой в эссе «Пушкин и Пугачев»: «Пугачев первый сделал Гринева добро» [4]. Он вывел заблудившегося барина на дорогу, отпустил, будучи уже мятежником. Заячий тулуп был ответом за уже явленную Пугачевым помощь. Все дальнейшие событийные узлы сюжетной линии Пугачев – Гринев – это ответы Пугачева на добро, полученное от Гринева при первой встрече. Бунтовщик спасает Гринева от казни, спасает сироту, по-отечески заботится о судьбе Гринева и даже предлагает ему устроить свадебный пир. В «Капитанской дочке» Пугачев наделен достаточной властью, чтобы самостоятельно и вопреки своим сподвижникам спасти и облагоденствовать Гринева, и Машу Миронову, и в этих великодушных поступках проявляется благородство не исторического деятеля, а частного человека. Как отмечают И.З. Сурат и С.Г. Бочаров, Гринев «обращается не к великому государю и не к вору-разбойнику - выбор, который навязывает ему ситуация, - а человеку в Пугачеве прямо мимо обеих масок. Человек обращается к человеку. <...> В безвыходных положениях он умеет прорвать круг и обратиться к внутреннему человеку в разбойнике» [5, с. 176]. Пушкин ценит в историческом деятеле способность проявить человеческую самостоятельность, не раствориться в окружающих его законах бунтовщиков. В этом смысле примечательно, и это отметил Ю. Г. Оксман, что в «Капитанской дочке» подчеркнута, по сравнению с «Историей Пугачева», роль Пугачева как единоличного руководителя народного государства, а в «Истории Пугачева» Пушкин был склонен видеть в нем отважного человека, но подчиненного воле и интересам казачьих вожakov [6]. Пугачев, при всей своей правительственной жестокости вызывает симпатию, он показан человеком широкой души, не лишенным милосердия. Именно человечность, гуманность, уважение к жизни другого объединяет двух героев, находящихся в непримиримо враждующих социальных лагерях. Таким образом, Пушкин создает образ, в котором гармонизированно соотношены архетипические, типические и индивидуальные черты. Изображение исторического, порожденного социально-историческим процессом и определенным общественным кругом, но в то же время сохранившего добродетельные личностные качества, стало одной из наиболее значительных художественных черт Пушкина-реалиста.

Список литературы:

1. Юнг, К.Г. Человек и его символы. – СПб: Б. С.К. – 1996. – 454 с.
2. Пушкин, А. С. Капитанская дочка // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977-1979. Т. 6. Художественная проза. – 1978. – С. 258-370.
3. Лотман, Ю. М. Идеальная структура "Капитанской дочки" // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960-1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. – СПб.: Искусство-СПБ, 1995. – С. 212-227.
4. Цветаева, М. И. Пушкин и Пугачев. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/proza/pushkin-i-pugachev.htm>
5. Сурат, И. З. Пушкин : краткий очерк жизни и творчества / И. Сурат, С. Бочаров. – Москва : Яз. славян. культуры, 2002. – 236 с.
6. Оксман, Ю. Г. От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника»: Пушкин – Рылеев – Кольцов – Белинский – Тургенев : Исследования и материалы. – Саратов: Кн. изд-во, 1959. – 316 с.

